

Отзыв д. филол. н., зав. сектором старопечатных книг Отдела редких книг РНБ Андрея Владимировича Вознесенского об автореферате диссертации «Древнерусский Азбуковник в рукописной традиции XVI – нач. XVII в.» Алексея Александровича Юдина, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 (Русская литература и литературы народов Российской Федерации)

Если учитывать, что в Древней Руси сборники, получавшие индивидуальные названия или не имевшие его, составляли существенную часть книжной традиции и можно с удовлетворением констатировать, что, наконец, еще один сборник дождался своего исследователя, и это, несомненно, должно способствовать углублению и совершенствованию наших знаний о книжности ранней поры.

Обычно Азбуковники интересовали исследователей как памятники ранней русской лексикографии, однако А. А. Юдин попытался рассмотреть их с точки зрения их типологического развития. Для этого диссертантом была предпринята попытка анализа литературного конвоя сборника, и она привела А. А. Юдина к весьма интересным выводам: в Азбуковниках 2-й разновидности ему удалось обнаружить 2 группы рукописей, которым были даны названия «грамматической» и «федоровской».

Особое внимание А. А. Юдин уделил 3-й разновидности Азбуковника, участие в создании которой принял справщик Печатного двора Давид Замарай (не известно, правда, был ли он справщиком и в конце XVI в., к которому относят создание этой разновидности, поскольку о том, как проистекала деятельность Печатного двора в это время, нет никаких дополнительных известий). Помимо состава сборников подобного рода, диссертант рассмотрел и вопросы пополнения их лексикой, источники которой он увидел в так называемых «литовских» изданиях. Эти наблюдения представляются весьма ценными, однако к ним возникает и более всего вопросов.

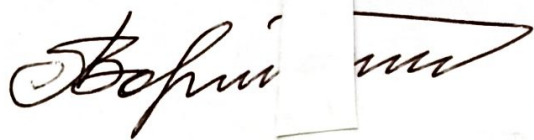
К примеру, не вполне ясна ситуация с определением «польский» для слов, взятых из «простой мовы». Действительно, в Великом княжестве Литовском и Киевском воеводстве господствовал распространенный в Малой, Белой и Красной Руси диалект, который в XVI в. пытались превратить в литературный язык, но сами его носители, уже плохо знавшие и понимавшие церковнославянский язык, называли его «русским». Сгладить существовавшее непонимание церковнославянского языка было призвано дополнение к Грамматике Мелетия Смотрицкого, настоящее название которого, кстати, было не «Лексис» (с. 18), а «Наука ку читаню и розумению писма словенского». Не случайно та часть книги, которая звалась «Лексисом», разъясняла это греческое слово следующим образом: «речения, вкратце собраны, и из словенскаго языка на простой русский дялект истолкованы». Поэтому переводу на «русский» в юго-западнорусских книгах той поры подвергались некоторые греческие, латинские и церковнославянские слова (замечу, что глоссы с переводом с церковнославянского на «мову» были характерны и для рахмановского Евангелия учительного Кирилла Транквиллиона Ставровецкого 1619 г.).

Некоторые сомнения вызывает и интерпретация отношения властей Московского государства к людям и книгам, происходившим с юго-западнорусских земель (с. 20–21). К примеру, прием Лаврентия Зизания в Москве в 1626–1627 гг., даже несмотря на то, что его Катехизис и не стали выпускать в свет, оказался, как показал Б. Н. Флоря, очень хорошим, а запрет книгопечатной продукции, согласно исследования А. А. Булычева, во многом диктовавшийся личными претензиями патриарха Филарета к Литве, в итоге почти ничего и не принес. «Притеснение православия и продвижение униатства» (с. 21) не касались Москвы и не входили в круг интересов ее властей. Конечно же, богослужебные «литовские» книги не принимались властями, так как слишком отличались от исправленных московских, но богословские сочинения, а то, что в Литве составляло полемику, воспринималось в Москве как богословие, были там известны и даже пользовались популярностью среди ученых людей государства. Эта тенденция

сохранялась до 40-х гг. XVII в.; до этого времени никаких «планов московского правительства о переиздании «литовских» книг на Печатном дворе (с. 22) не существовало, а в 40-е годы редкие случаи издания книг юго-западнорусских авторов показывают, что прежде чем попасть в печать их текст подвергался серьезной проверке с внесением, когда это оказывалось необходимым, изменений, причем порою довольно серьезных.

Впрочем, высказанные замечания нельзя относить к разряду претензий к диссертационному сочинению А. А. Юдина, скорее, они представляют собою некоторые размышления, показывающие пути углубления и расширения в исследовании избранной диссертантом темы. С точки зрения тех задач, которые он ставил перед собой, работу следует признать весьма успешной, том более что и методика, использованная в исследовании А. А. Юдиным, не вызывает каких-либо нареканий: напротив, ее выбор представляется и вполне обдуманым, и удачным.

Рассмотрение автореферата дает все основания утверждать, что диссертационное сочинение А. А. Юдина соответствует предъявляемым к кандидатским диссертациям требованиям, указанным в п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней УрФУ», а его автор заслуживает ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 (Русская литература и литературы народов Российской Федерации).

А. В. Вознесенский
доктор филологических наук,
заведующий сектором старопечатных книг
Отдела редких книг
Российской национальной библиотеки
С.-Петербург, Садовая ул. 18/20
A.Voznessenski@nlr.ru

Подпись руки
Вознесенского А.В.
заверяю *Митин*
Зам. Начальник отд. кадров РНБ
" 9 " Окте

